

Антон Чемакин

«1920 год» и «Три столицы» В.В. Шульгина: новое издание*

Anton Chemakin

(Institute of History, Saint Peterburg State University, Russia)

«1920» and «Three Capitals» of V.V. Shulgin: a new edition

DOI: 10.31857/S086956870000147-2

В конце 2016 г. в издательстве «Посев» вышло первое научное издание работ известного русского политика и писателя Василия Витальевича Шульгина «1920 год. Очерки» и «Три столицы». Оно подготовлено доктором исторических наук Александром Витальевичем Репниковым, многие годы успешно изучающим историю русского консерватизма и публикующим сочинения и документы, связанные с жизнью и деятельностью Шульгина. Особую ценность среди

них представляют материалы его следственного дела, благодаря В.Г. Макарову, А.В. Репникову и В.С. Христофорову ставшие доступными широкому кругу читателей¹.

Книга «Три столицы» была написана Шульгиным после его нелегальной поездки в СССР зимой 1925–1926 гг. История её создания подробно освещена в монографии Л.С. Флейшмана² и в обстоятельной вступительной статье А.В. Репникова «Дороги Василия Шульгина»

* Шульгин В.В. 1920 год. Очерки. Три столицы / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М.: Содружество «Посев», 2016. 748 с., ил.

(с. 5–46). Посетив Минск, Киев, Москву и Ленинград, Василий Витальевич сделал вывод, что в России «всё как было, только хуже». Он считал, что ездил в СССР при поддержке могущественной антисоветской организации «Трест», но, как вскоре выяснилось, всё это было частью провокации советских спецслужб. Естественно, после её разоблачения отношение эмиграции к книге Шульгина, которая перед публикацией была отправлена на редактирование в Москву, стало крайне скептическим (впрочем, и прежде, до сообщений о роли ОГПУ, восторгов у рецензентов она не вызвала). По словам публициста А.А. Яблоновского, «подвиг смелого человека, скорбь отца о погибшем сыне, острая наблюдательность писателя – всё замазано, всё оскорблено наглой рукой торжествующего чекиста»³. Сам Шульгин утверждал, что ОГПУ никак не влияло на содержание «Трёх столиц»: «Из самого текста моей книги видно, что я был совершенно свободен в своих действиях во время моей поездки... Я добросовестно описывал только то, что я видел собственными глазами, ничего не сочиняя»⁴. Белградское «Новое время» поддержало Шульгина, отметив, что ценность его книги «ничуть не уменьшается» от невольного участия в провокации: «Он видел своими глазами, слушал своими ушами и прислушивался не к одним агентам ГПУ, а ко всей подъяремной русской жизни и оценивал всё своим собственным мозгом»⁵.

Однако не следует забывать, что Шульгин пытался «подогнать» увиденное под свою «фашистскую» теорию (в «Трёх столицах» её изложению уделено значительное место), и это теоретизирование сильно искажало восприятие им России. «Всё осталось там по-прежнему, – иронизировал по поводу впечатлений Шульгина его давний оппонент И.В. Гессен, – хотя и стало несколько хуже, но зато есть много нового и ценного, которое, как не трудно догадаться, заключается в жестокой диктатуре маленькой кучки над населением. Это собственно и составляет идеал фашиста, каковым Шульгин себя считает, и так как фашисты в этом отношении являются родными братьями коммунистов, то замена одних другими представляется ему совсем не трудной, он убеждён, что коммунисты работают на пользу “белой идеи”»⁶. Во многом именно с этим были связаны и его восторженные отзывы о вновь обрётённой Родине, и вера в реальность подпольной монархо-фашистской организации, и надежды на скорый переворот. Но всё это оказалось иллюзией, обманом и... самообманом. «Три столицы» можно охарактеризовать пушкинскими строками: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!» Несмотря на то, что «Три столицы» представляют собой интересный образец

эмигрантской литературы, Советская Россия середины 1920-х гг. отразилась в этой книге как в кривом зеркале.

На излёте советской эпохи «Три столицы» были напечатаны в Москве 100-тысячным тиражом. При этом в издательстве «Современник» в 1991 г. сочли «необходимым опустить некоторые наиболее грубые и оскорбительные выражения в адрес Владимира Ильича». Объяснялось это тем, что Ленин относился к Шульгину корректно и даже дал указание переиздать его произведение в Советской России, и к тому же «сам автор, по свидетельству людей, хорошо знавших его, впоследствии сожалел о своих бестактных высказываниях»⁷. В итоге в тексте не осталось ни «удивительной физиономии» и «маниакальной головы» «сумасшедшего» Ленина, этого «вечерического Чингисхана», «всемирно признавшего себя ослом», ни стихотворения про то, как «благодарная Россия под звуки пушек и мортир спустила Ленина в с...». Отсутствуют в издании 1991 г. и утверждения Шульгина о том, что коммунисты «из уголовной сволочи превращаются в фашистов», а сами «фашизм и коммунизм (ленинизм) два родных брата»⁸. Все эти выражения восстановлены Репниковым (с. 376–377, 433, 439, 469, 505–506, 565) в соответствии с первой берлинской публикацией книги⁹. Таким образом, это не только первое научное, но и первое *полное* издание «Трёх столиц» в России. Но, к сожалению, и в нём встречаются досадные опечатки. Например, из-за потерянного тире в начале строки прямая речь собеседника Шульгина про переполненность Москвы (с. 503) превратилась в авторский текст¹⁰.

«1920 год» разительно отличается от «Трёх столиц» и по своим литературным достоинствам, и по значению для историков. Как выразился сам Шульгин, в этой книге собраны «кусочки жизни», пробежавшие перед его глазами (с. 49): отступление Белой армии к Чёрному морю, неудачная попытка пробиться в Румынию, нелегальное пребывание в занятой красными Одессе, бегство в Крым, попытка вернуться в Одессу для спасения родственников, наконец, вынужденная эмиграция – Галлиполи и Константинополь... Литературовед кн. Д.П. Святополк-Мирский, называвший «1920 год» самыми замечательными «белыми» мемуарами о Гражданской войне, особо отмечал, что их автор искренен, хотя и пишет в «запоздалом журналистском стиле Дорошевича с дешёвыми и наивными эффектами, которые были хороши двадцать пять лет назад»¹¹. Журналист И.П. Нилов, один из близких друзей и соратников Шульгина, в ноябре 1921 г. характеризовал «1920 год» как «едва ли не самое яркое, что было написано со времени начала революции». Нилову особенно импонировало то,

что «автор не философствует, не играет в объективность, не надевает на себя маски нелепых событий, для которых время объективного суда ещё не наступило. Он открыто и честно субъективен. Но эти субъективные впечатления, мысли и чувства, порождённые фантастическими картинками совдепского существования и необычайными положениями, в которых побывал автор, так сочны, живы и с такой бесподобной непосредственностью запечатлены на бумаге, что читатель чувствует себя совершенно покорённым. Это заманчиво, как Дюма, сочно, как Казанова, и правдиво, как кинематограф. В.В. Шульгин ни в чём не убеждает читателя, ничего не доказывает, не ошеломляет кровавыми картинками, статистикой смертей и психологией подсоветского рабства. Он просто заставляет пережить вместе с собой этот “1920 год”, и только»¹².

Как и все издания, подготовленные Репниковым, «1920 год» сопровождают подробные комментарии, в которых содержатся биографические справки об упомянутых в произведении лицах, объясняются события и сюжеты, непонятные неподготовленному читателю, точно воспроизводятся отрывки из тех стихотворений, которые мемуарист цитировал по памяти и зачастую с ошибками. Конечно, в обширных примечаниях почти неизбежны небольшие неточности. Так, Grand Rue de Péra — главная улица района Пера (Бейоглу), на которой, на углу с улицей Кумбараджи, располагалось здание российского посольства, превратилась в «Grand'rue de Oréga» (с. 267, 697). Ряд лиц, фамилии которых в книге не указаны, остались неопознанными. Например, «профессор Пётр Михайлович (международник)» (с. 263), обозначенный в комментарии как «неустановленная личность» (с. 696) — это профессор Киевского университета Св. Владимира П.М. Богаевский. А «ротмистр Ч.» (с. 282), один из инициаторов создания рукописного галлиполийского журнала «Развей горе в голом поле» — сотрудник Шульгина по «Азбуке» В.С. Чихачёв¹³. Фамилия одного из редакторов «Киевлянина» — не Симаковский (с. 665), а Смаковский, и он не мог возглавлять газету в 1919 г., так как умер 5 июня 1917 г.¹⁴ Девичья фамилия второй жены Шульгина всё же не Сидельникова, как указано в комментариях, а Седельникова (Съдельникова) — так она зафиксирована во всех документах¹⁵, и именно под этой фамилией отец Марии Дмитриевны значится в многочисленных списках по старшинству¹⁶. Вариант «Сидельникова», впрочем, также встречается, поскольку в малорусском диалекте «ѣ» читалась как «и», но едва ли его можно признать предпочтительным.

Жуткие картины разложения отступающей Белой армии, с которых начинается

«1920 год», производят сильное впечатление. Здесь и «мальчишка лет восемнадцати» с «кокаинным» лицом, бегающий с винтовкой в руках и ищущий «жида» (с. 62), и ругающийся «в бога, в мать, в веру и Христа» «сиятельной хулиган», «большевизированный Рюрикович» и просто вор Петрик, говорящий «на трёх европейских языках безупречно», но по-русски «выговаривающий немножко, как метис, с примесью всевозможных акцентов» (с. 56), и пьяная банда «монархистов», поджаривающая «комиссара» на костре под завывание «Боже, Царя храни» (с. 66). Строки из солдатской песни «Взвейтесь, соколы, орлами...» Шульгин переделывает в «Взвейтесь, соколы, ворами...» (с. 53). «“Белое дело” погбило. Начатое “почти святыми”, оно попало в руки “почти бандитов”» (с. 57) — эта характеристика, ставшая классической, уже не одно десятилетие кочует из статьи в монографию, из хрестоматии в учебник.

Благодаря подобным ярким и выгодным для коммунистической пропаганды образам, книга Шульгина неоднократно печаталась в Советской России¹⁷, причём сам Василий Витальевич считал, что первое советское издание вышло по личному желанию Ленина¹⁸. Активно пользовалась текстом Шульгина и леволиберальная часть эмиграции, цитировавшая «1920 год» на страницах своих газет сразу же после появления его первых глав. Увидев, что книга, превратно трактуемая, используется для дискредитации русской армии, Шульгин был вынужден объясняться: «Приводимые этими газетами цитаты хотя и заключаются в “1920 году”, но относятся к характеристике 1919-го, вернее, конца его, т.е. той эпохи, когда Добровольческая армия отступала на юг, не выдержав тяжести той задачи, которую она взвалила себе на плечи. Считаю, что правда самый великий целитель, я не мог не отметить глубокого морального падения Д[обровольческой] армии в то время». Таким образом, первые страницы «1920 года» должны были показать, из какой пропасти пришлось выбирать Белому движению под руководством барона П.Н. Врангеля. Недаром последующие события Шульгин называл «Крымским Возрождением»: «Для меня разница психологии была особенно ясна... Насколько отступающая армия конца 1919 года считала почти аксиомой принцип Валленштейна, т.е. что без грабежа не проживёшь, настолько в этой же армии в крымском её периоде грабить стало неприлично. Пошла иная мода (курсив автора. — А.Ч.). Другими словами, произошла коренная ломка мировоззрения»¹⁹.

Это «возрождение» случилось, по мнению Шульгина, слишком поздно, поэтому белым и не удалось удержать последний клочок русской земли. Но психологии он придавал даже большее значение, чем территории: «Если бы

армия каким-нибудь образом победила большевиков, но не победила бы себя, то она всё равно погибла бы. Важнее того, сидим ли мы в Крыму или нет, следующее: белые ли мы, по существу, или мы только крашенные белой краской? Если мы белые по существу, рано или поздно Россия — наша... Если мы только «крашенные», — то хотя бы мы взяли Кремль, нам его не удержат: облезлых, грязно-серых, нас выгонят оттуда через короткое время»²⁰.

Шульгин утверждал, что взялся «за рассказ о страшных минутах нашего падения» только потому, что сознание своей «низости» есть первый шаг «вверх»²¹. И в этом смысле, конечно, «1920 год» — гимн настоящим «белым», гимн армии, оказавшейся на низшей ступени разложения, но во время «крымской эпопеи» преодолевшей себя, сумевшей справиться с силами, очистившейся, пусть и не до конца, от «серых» и «грязных» и, в конце концов, ушедшей в изгнание с развёрнутыми знамёнами и гордо поднятой головой. А также с надеждой на то, что «Белая Мысль победит во всяком случае» (с. 290).

С литературной точки зрения, «1920 год» — не только увлекательное повествование, своего рода приключенческий роман со шпионскими страстями, стрельбой, погонями и переодеваниями, который «даже дамы читали с лёгкостью»²², но и яркие, надолго запоминающиеся образы героев. Причём это образы — пусть в определённой степени и беллетризованные — настоящих, невыдуманных людей. Среди них подпоручик Алёша Ткаченко, смертельно раненный гранатой и просящий «передать Василию Витальевичу... что я умираю за Россию» (с. 109), поручик Владимир Александрович Лазаревский, ближайший друг Шульгина, «самую малость сноб», которому вместо тяжёлого похода хотелось бы принять ванну, сесть за стол, накрытый чистой скатертью, выпить кофе, покурить, написать небольшую статью и сыграть на рояле вальс Сибелиуса, но, за невозможностью всего этого, приходится проявлять чудеса храбрости и самоотверженности, сохраняя «неизменную любезность ко всем и ласковость к некоторым» (с. 101–102), энергичный, стремящийся исполнить свой долг до конца издатель шульгинских газет Владимир Германович Иозефи: «Происхождением немец, он был русским патриотом; давно известным типом — Штольцем среди Обломовых» (с. 146).

И, конечно, особо следует выделить образ среднего сына Шульгина — Вениамина, которого в семье именовали исключительно Лялей. Несмотря на все бедствия, с глазами как у «страдающей газели» (с. 100), он сохраняет присутствие духа и говорит практически про каждого из окружающих его людей, что

тот — «страшно симпатичный» и, к тому же, его «личный друг». Во время тяжёлого похода Ляля «сгорбился и сильнее тянет свои декадентские ноги. Но по-прежнему внезапно начинает хотать без всякой причины, и так заразительно, что все хохочут кругом» (с. 101). В бою он стоит под пулями, находясь «в каком-то особом состоянии», и ложится только после приказа отца, да и то с видом «если вам угодно, то пожалуйста» (с. 103). Сам Шульгин вспоминал, что Ляля «был преуморительный мальчик», который при всех своих странностях имел «потребность пунктуально, до невозможного педантизма, выполнить всё, что полагается», даже «не выучить уроки было бы для него страданием»²³. Однако судя по отдалённым намёкам, встречающимся в «1920 году», отсутствие родительского контроля, бурные события 1917–1920 гг., неразделённая любовь (мать Вениамина, Е.Г. Шульгина, писала, что какие-то «дамы» «надругались над его нежным сердцем и детским телом»²⁴), увлечение кокаином, к которому он пристрастился в Одессе в начале 1919 г.²⁵, не лучшим образом сказались на способности юноши адекватно воспринимать реальность. Неудивительно, что, согласно версии Василия Витальевича, Вениамин, не сумев выбраться из Крыма, окончил свои дни в психиатрической лечебнице в Виннице (с. 23–24). Именно судьба Ляли, на поиски которого отец отправился в СССР при содействии «Треста» (с. 295), связывает воедино сюжеты «1920 года» и «Трёх столиц».

Выразительно характеризует Шульгин и руководителей Белого движения. По словам мемуариста, во Врангеле «чувствовался ток высокого напряжения», а его «психологическая энергия насыщала окружавшую среду и невидимыми проводниками доходила до тех мест, где началось непосредственное действие» (с. 227). Глава правительства Юга России А.В. Кривошеин изображён надломившимся, нервничающим и не находящим времени на то, чтобы пришить на жилет оторвавшуюся пуговицу (с. 229). Сочетая увлекательность повествования, живой слог, яркость образов и постановку важных этических и общественно значимых проблем, «1920 год» вполне мог бы войти в программу школьного курса русской литературы.

Между тем следует учитывать, что «1920 год» — центральная часть трилогии Шульгина, посвящённой Гражданской войне и объединённой однотипными названиями — «1919 год», «1920 год», «1921 год»²⁶. Первоначально Василий Витальевич «выбрал 1920 год как ближайший». «Если из этого что-нибудь выйдет, — писал он, — вероятно, перейду к временам более отдалённым» (с. 49). Видя успех «1920 года», автор решил продолжить начатое дело. 29 января 1922 г. он сообщил своему другу

В.А. Лазаревскому («поручику Л.», «Вовке», как он представлен на страницах «1920 года») о том, что занят «одной мыслью»: составить кружок писателей, который подготовил бы новую книгу — «это был бы совокупный труд всех нас и продолжение «1920»»²⁷. «1921 год» был написан Шульгиным, Седельниковой и Лазаревским (с несколькими «вставками» А.А. Могилевского и В.А. Маклакова) в первой половине 1922 г. В ней получили развитие некоторые сюжеты «1920 года», например, деятельность Лазаревского, чьё нелегальное появление в Одессе подробно описано в главе «Рассказ поручика Л.» (с. 268—275). Однако от издания книги пришлось отказаться²⁸, лишь отдельные её части были напечатаны с купорами в Париже в «Русской газете» и в Праге в журнале «Студенческие годы»²⁹.

Тем не менее Шульгин продолжал работу, и в течение следующих двух лет появилась новая рукопись — «1919 год». Её соавторами стали, помимо Седельниковой, друзья Шульгина — И.П. Нилов³⁰ и Ю.К. Рапопорт. Шульгин должен был показать жизнь Одессы и Киева под властью белых, а Нилов и Рапопорт, работавшие в подполье, — жизнь этих же городов под властью красных. При этом Нилов считал, что часть Шульгина — эпическая, его собственная — сентиментальная, а часть Рапопорта — сатирическая³¹. Именно на страницах «1919 года» появляются все основные действующие лица «1920 года» — и Ляля, и Вовка Лазаревский, и Алёша Ткаченко, и В.Г. Иозефи, и ряд второстепенных персонажей. Шульгин неоднократно пытался напечатать «1919 год» и в Берлине, и в Софии, и в Белграде, но русские издательства, изначально проявлявшие интерес, отказывались от работы из-за гигантского объёма текста и невозможности окупить его издание. В конце концов, Рапопорту удалось напечатать свою часть в «Архиве русской революции», Шульгин опубликовал несколько отрывков на страницах парижской «Русской газеты» и белградского «Нового времени», а затем вынужден был сдать рукописи в Русский заграничный исторический архив, откуда они попали в ГА РФ.

Таким образом, у трёх книг Шульгина, посвящённых Гражданской войне, оказалась разная судьба. Центральная часть трилогии — «1920 год» — вошла в число классических мемуарных произведений о «второй русской смуте» и заслуженно приобрела популярность. Теперь, благодаря кропотливой работе А.В. Репникова, появиться и её научное издание, которое, несомненно, получит самую высокую оценку читателей и исследователей. Двум другим частям повезло меньше — отрывки из них печатались в 1920-е гг. в эмигрантской прессе, но остались

практически незамеченными. Публиковались некоторые их фрагменты и в последние десятилетия³². Впрочем, в настоящее время текст мемуаров В.В. Шульгина, его жены и друзей «1919 год» и «1921 год» полностью восстановлен по рукописям и газетным публикациям в соответствии с изначальным авторским замыслом, откомментирован и подготовлен к печати.

Примечания

¹ Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключённого / Сост. В.Г. Макаров, А.В. Репников, В.С. Христофоров. М., 2010; *Шульгин В.В.* Россия, Украина, Европа: избранные работы. М., 2015.

² *Флейшман Л.* В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.

³ *Яблоновский А.* Случай с В.В. Шульгиным // Сегодня. 1927. 12 октября. № 230. С. 3.

⁴ *Васильев Н.* Что же говорит В.В. Шульгин? (Беседа корреспондента «Сегодня» с В.В. Шульгиным о разоблачениях В.Л. Бурцева) // Сегодня. 1927. 16 октября. № 234. С. 3.

⁵ Провокация // Новое время. 1927. 14 октября. № 1936. С. 1.

⁶ Поездка в Россию // Руль. 1927. 13 ноября. № 2117. С. 4.

⁷ От издательства // *Шульгин В.В.* Три столицы. М., 1991. С. 4.

⁸ Там же. С. 90, 148, 155, 185, 218, 221, 280.

⁹ *Шульгин В.В.* Три столицы. Путешествие в красную Россию. Берлин, 1927.

¹⁰ Ср.: Там же. С. 266.

¹¹ *Mirsky D.P., prince.* Contemporary Russian Literature. 1881—1925. N.Y., 1926. P. 299—300.

¹² *И.Н. [Нилов И.П.]* «Русская мысль» (август—сентябрь. София, 1921 г.) // Зарницы. 1921. 6 ноября. № 26. С. 31.

¹³ *Шульгин В.* Пророчество // Новое время. 1924. 2 сентября. № 1003. С. 2.

¹⁴ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 2, д. 69, л. 111.

¹⁵ См., в частности: ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 1, л. 3; д. 241, л. 1.

¹⁶ См., например: Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1900 г. СПб., 1900. С. 935.

¹⁷ См., например: *Шульгин В.В.* 1920 год. Очерки. М., 1922; *Шульгин В.В.* 1920 год. Очерки. Л., 1926.

¹⁸ РГАЛИ, ф. 1337, оп. 4, д. 62а, л. 1 об.

¹⁹ *Шульгин В.* «1920 год» (Pro domo sua) // Зарницы. 1921. 10 июля. № 15. С. 9.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ *Шульгин В.* Пророчество. С. 2.

²² ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 161, л. 8.

²³ *Шульгин В.* В отпуску (1919 г.) // Новое время. 1924. 27 июля. № 974. С. 2.

²⁴ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 2, д. 69, л. 64.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 38, л. 15–16.

²⁶ Шульгин также написал воспоминания про 1918 г., но они являлись составной частью другого труда – «Война без мира» (РГАЛИ, ф. 1337, оп. 4, д. 62а, л. 12).

²⁷ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 3, д. 77, л. 14–14 об.

²⁸ Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост. О.В. Будницкий. М., 2012. С. 94.

²⁹ Уже в начале XXI в. главы Шульгина были перепечатаны, но, к сожалению, также с купюрами, ошибками и опечатками: Континент. 2002. № 114. С. 273–302; 2003. № 117. С. 171–210; № 118. С. 245–268.

³⁰ Ранее его звали Дмитрий Петрович Данилычев, имя и фамилию он сменил в годы Гражданской войны (Государственный архив города Киева, ф. 16, оп. 464, д. 3005).

³¹ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 161, л. 5.

³² Шульгин В. Рапорт в пять тысяч метров. Из книги «1919 год» / Публ. А.И. Ушакова // Хранить вечно. Специальное приложение к «Независимой газете». 2000. 1 декабря. № 2(10). С. 9, 12–13; Шульгин В.В. Жовто-блакитные и тёмно-малиновые // Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина. Изд. 2, испр. и доп. М., 2016. С. 352–366; Шульгин В.В. Пытка страхом // Там же. С. 375–389.